

УДК 821.161.1.091
СУСУМУ НОНАКА

(Сайтама, Япония)

<https://doi.org/10.33989/2524-2490.2019.30.188731>**ONCE AGAIN: «ЧЕМУ СМЕЕТЕСЬ? НАД СОБОЮ СМЕЕТЕСЬ!..» – В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

У статті здійснено спробу ще раз звернути увагу на відомі слова із п'єси М. Гоголя «Ревізор»: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!..» (Гоголь, 2003, с. 83). У колі наших наукових інтересів є такі моменти: по-перше, можливість зіставлення гоголівської фрази із віршами Горація «*Quid rides? Mutato nomine, de te fabula narratur* (Над чим смієшся? Зміниш ім'я – про тебе мовиться)» (Норасе, 1929, р. 8; Горацій, 1970, с. 247); по-друге, розгляд прикладів алюзії на цей вислів у Східній Азії (Сосеки Нацуме, Лу Сінь). Сподіваємося, що наша праця стане частиною широкого обговорення питання щодо того, яку роль відіграє сміх у розвитку світової літератури, зокрема в Новий час. Важливою щодо цього видається самозверненість сміху, що спонукає людину побачити істину про саму себе. Формула «сміх – самопізнання – істина», утілена в художньому образі, відводить наведеним вище словам Горація й М. Гоголя особливе місце в історії світової літератури.

Ключові слова: Гоголь; «Ревізор»; Горацій; «Сатири»; сміх; Новий час; Сосеки Нацуме; Лу Сінь.

«Чему смеетесь?» и «*Quid rides?*» – в чем вопрос?

По поводу аллюзии или сходства выражений Горация и Гоголя существует замечание Морица Михельсона в известном справочном словаре «Русская мысль и речь: Свое и чужое», изданном в 1903–1904 годах. В статье о «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!» дана ссылка на стихи Горация: «*Quid rides? Mutato nomine de te fabula narratur*» с русским переводом: «Чему смеешься? переименивши имя, о тебе Басня повествует» (Михельсон, 1997, с. 497).

Между тем, это замечание, по-видимому, не привлекло широкого внимания. Насколько нам известно, нет работы, подтверждающей или развивающей эту версию. В двух полных собраниях сочинений Н. Гоголя (Гоголь, 2003; Гоголь, 2009), вышедших в нашем веке, в комментариях к «Ревизору» нет упоминания о вышеуказанных словах римского поэта.

Спрашивается, почему это так. Пожалуй, причин несколько:

(1) Вообще, два выражения не похожи друг на друга. Этот вопрос мы обсудим позже, но нам кажется, что между ними присутствует определенное сходство по отношению к постижению сущности и роли смеха.

(2) Было бы кощунственно предположить, что знаменитые слова Гоголя происходят от кого-то другого, даже если это классический римский поэт. Однако если бы существовала связь Гоголя с Горацием по этому поводу, это дало бы еще одно свидетельство важной связи гоголевской пьесы с европейской классической литературой, что совсем не умалило бы значения первой. Действительно, никто не считает кощунственным, что стихи Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» основаны на аллюзии к оде Горация «*Exegi monumentum*».

(3) Нет доказательств того, что Гоголь имел в виду данное выражение Горация, когда писал слова Городничего, в отличие от Пушкина, который цитирует Горация как эпитафию. Насколько нам известно, не существует прямых доказательств в пользу нашего предположения. Хотя, конечно, Гоголь учил латинский язык в гимназии в Нежине (Виноградов, 2017, т. 1, с. 355).

Кстати, в монографии «Римская литература в России в XVIII – начале XX века» Алексей Любжин отмечает по поводу Горация: «Несомненно, этот поэт – один из тех, кто оказал наибольшее влияние на русскую литературу» (Любжин, 2007, с. 101). Что же касается слов Горация «*Quid rides?...*», их известность между русскими интеллектуалами начала XIX века подтверждается, например, следующим отрывком из письма К. Батюшкова к Н. Гнедичу от декабря 1809 года: «Что сделал Михаил Никитич? Засмеялся и оставил стихи у себя. *Quid rides? Fabula de te narratur!* Вот и твоя история!» (СЛКС, 1997, с. 652).

Кроме того, кто не помнит, что Тарас Бульба упомянул этого римского поэта: «Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Горацій, что ли?» (Гоголь, 2009, т. 2, с. 306).

Все это достаточно свидетельствует о близости Горация и Гоголя. Но близость не будет доказательством, если мы ограничимся обсуждением в рамках традиционного сравнительного литературоведения, которое занимается, главным образом, вопросами «влияния». Нам же представляется, что будет плодотворным сопоставить эти слова именно на основании «сходства», поскольку данное сходство само по себе заслуживает большого внимания.

Но прежде чем им заняться, следовало бы рассмотреть, как данные слова появились в «Ревизоре».

Как появились слова Городничего?

Слова Городничего «Чему смеетесь? над собою смеетесь!..» так известны и знакомы, что нам кажется, будто они всегда существовали в «Ревизоре». На самом деле они появились в его «окончательной редакции» 1842 года, написанной на шесть лет позже первой редакции 1836 года. В первом

представлении «Ревизора», о котором так много говорили и писали¹, этих слов не было.

Согласно комментариям к «Ревизору» в Полном собрании сочинений ИМЛИ (Гоголь, 2003, с. 537–640), этих слов Городничего не было ни в первом (1836 г.), ни во втором (1841 г.) изданиях, они появились в редакции, которую Гоголь сделал для четырехтомных Сочинений, вышедших в 1842 году. В процессе работы Гоголь пользовался экземпляром первого издания (АРЗ6), в котором наблюдается и вариант: «Чего смеетесь, над собой же смеетесь» (Гоголь, 2003, с. 465); по-видимому, это первое появление этих бессмертных слов.

По этому поводу комментаторы отмечают: «Характер Городничего в процессе правки текста первого издания приобретает (при сохранении некоторого благодушия) более грубые, резкие черты. Наиболее ярко это раскрывается в финале комедии, в последнем монологе Городничего» (Гоголь, 2003, с. 622). Дело в том, что его монолог в редакции первого издания показывает «достаточно сдержанную реакцию человека, попавшего в щекотливое положение» (Гоголь, 2003, с. 622); в окончательной же редакции Гоголь изображает «разъяренного собственной слепотой и собственным бессилием человека» (Гоголь, 2003, с. 622). Комментаторы объясняют: «Подобная реакция связана не только с тем, что Городничий осознает себя одураченным, но и с боязнью превратиться в объект насмешек» (Гоголь, 2003, с. 622–623). Именно в таком контексте следует понять его слова «Чему смеетесь? над собою смеетесь!...» и злобную инвективу в адрес литераторов. Такую же важную роль в появлении данных слов сыграли, по утверждению комментаторов, прошедшие шесть лет после первого представления пьесы. И откровенное указание на объект смеха («над собою смеетесь»), и обыгрывание в самом тексте комедии старых, послепремьерных претензий к автору «Ревизора» – все это говорит о том, что Гоголь вновь возвращается к ситуации 1836 г., воспринимая ее не так болезненно, более отстраненно (Гоголь, 2003, с. 623).

Учитывая, что во второй редакции 1841 года данных слов Городничего еще не было, можно предположить, что они появились в процессе работы над пьесой в июне-июле 1842 года, причем довольно быстро, как при кристаллизации перенасыщенного раствора. Примечательно, что в пьесе «Развязка Ревизора», написанной как приложение к «Ревизору» в 1846 году (т. е. четырьмя годами позже написания окончательной редакции), данным словам Городничего отведено чуть ли не центральное место по отношению к концепции «Ревизора». Спор о ней идет именно вокруг слов Городничего:

Семен Семеныч. Я даже вижу вред. В пиесе выставлено нам унижение наше; не вижу я любви к отечеству в том, кто писал ее. И притом какое неуважение, какая даже дерзость... я уж этого даже не понимаю: как сместь сказать в глаза всем: «Что смеетесь? над собою смеетесь!»

Федор Федорович. Но, друг мой, Семен Семеныч, ты позабыл: ведь это не автор говорит, ведь это говорит городничий, это говорит рассердившийся, раздосадованный плут, которому, разумеется, досадно, что над ним смеются.

Петр Петрович. Позвольте, Федор Федорыч, позвольте вам, однако ж, заметить, что слова эти точно произвели странное действие; и, вероятно, не одному из сидевших в театре показалось, что автор как бы к нему самому обращает эти слова: «над собою смеетесь!» Говорю это... вы не примите моих слов, господа, за какое-нибудь личное нерасположение к автору, или предубеждение, или... словом, не то чтобы я имел что-нибудь противу него, понимаете, но говорю вам мое собственное ощущение: мне показалось, точно как бы в эту минуту стоит перед мною человек, который смеется над всем, что ни есть у нас: над нравами, над обычаями, над порядками, и, заставивши нас же посмеяться над всем этим, нам же говорит в глаза: «Вы над собою смеетесь».

Первый комический актер. Позвольте, здесь мне сказать слово: вышло это само собой. В монологе, обращенном к самому себе, актер обыкновенно обращается к стороне зрителей. Хотя городничий был в беспамятстве и почти в бреду, но не мог не заметить усмешки на лицах гостей, которую возбудил он смешными своими угрозами всех обманувшему Хлестакову (...). Намеренья у автора дать именно тот смысл, о котором вы говорите, не было никакого; я это вам говорю, потому что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мне с моей стороны сделать запрос: ну что если бы у сочинителя точно была цель показать зрителю, что он над собою смеется?» (Гоголь, 2003, с. 116).

Как видно, все это очень сложно; сложно понять, кому из действующих лиц предоставлена авторская мысль по поводу слов Городничего и правильно ли она объясняет концепцию пьесы, между тем как Гоголь в последние годы склонен был давать морализированные толкования своих произведений. Но очевидно, что он хотел обратить внимание читателей на слова Городничего как важный ключ к «Ревизору». И действительно, как замыслил Гоголь, зрители и читатели пьесы не могут не задумываться, как понять эти слова.

Сопоставимы ли слова Гоголя и Горация?

Повторим, что прямых доказательств «тени Горация» в рождении гоголевского выражения не существует. Но нам кажется, что стоит сопоставить их слова на основании сходства по форме и смыслу.

(1) *Формальное сходство.* Важно, что и Гораций, и Гоголь используют прием «обращения к читателям / зрителям», действующий в двух планах сюжета и метасюжетности. Читатели и зрители понимают, что данные слова, сохраняя сюжетное значение, направлены к ним как метасюжетное обращение: содержание сюжета не о других, а о них самих.

Второе формальное сходство состоит в том, что оба выражения основаны на форме «вопрос – ответ». К тому же, тот, кто задает вопрос, тут же дает ответ:

Чему смеетесь? – Над собою смеетесь!

¹ Юрий Манн вносит коррективы в общепринятое мнение, что общественные отклики на первое представление «Ревизора» произвели ошеломляющее впечатление на писателя и вызвали его отъезд за границу (Манн, 2004, с. 429–433).

Quid rides? – (Mutato nomine,) de te fabula narratur.

То есть это не столько диалог, сколько неожиданное для слушателей откровение, и в этом заключается комизм этих выражений.

Обратим внимание и на сходство по ритму. Если опустить фразу «Mutato nomine», в слоговой структуре наблюдается некоторая параллель: 5 – 7 (Гоголь), 3 – 8 (Гораций). В обеих фразах перевес разгадки или разъяснения по числу слогов соответствует его перевесу по смыслу.

(2) *Смысловое сходство*. И «Сатира», и «Ревизор» глубоко связаны с жанром сатиры. Как известно, стихи Горация в оригинале называются «Sermones», но традиционно переводились чаще всего как «Сатиры».

Что касается «Ревизора», то широко признано, что пьеса не ограничивается жанром сатиры, а богаче по содержанию. Например, Юрий Самарин еще в 1842 году писал (в письме к К. Аксакову, которое последний переслал Гоголю): «Ужели не всякому ясно, что нет поэта, который бы был так далек от сатиры, как Гоголь» (Гоголь, 2009, т. 12, с. 231). Ольга Меерсон, выделяя значение слов Гордничего, отмечает: «Гоголь, заключивший “Ревизор” словами “над собой смеетесь”, привнес в свои произведения, включая «Ревизора», множество элементов помимо сатиры» (Меерсон, 1997, с. 26).

На наш взгляд, самый важный момент, сближающий слова Гоголя и Горация – это «самообращенность смеха», или направленность смеха к самому себе. Проще говоря, думаешь, что смеешься над другим, а вдруг поймешь, что речь идет именно о тебе и ты смеешься над собой. Пожалуй, этот момент самопознания придает этим словам особенное место в истории смеха, открывая важное значение смеха для познания человеком самого себя. Это связывает слова Горация и Гоголя с фразой «Познай самого себя».

Как известно, эпиграф гоголевской пьесы «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» также выделяет момент самопознания и значение смеха для него. У Горация же тоже известный стих: «Quamquam ridentem dicere verum quid vetat? (Правда, порою не грех и с улыбкою истину молвить)» (Horace, 1929, р. 6; Гораций, 1970, с. 246). Подразумевается, что смех не искажает предмета, а скорее показывает его настоящий образ. А истина важна для человека постольку, поскольку она имеет отношение к нему самому, иначе говоря, имеет момент самопознания. То есть в данных словах выделяется не столько нейтральная правда, сколько событийная истина о самом себе, путем к которой порой служит смех.

Но в каком контексте важной представляется самообращенность смеха? Возможно, в том контексте, в каком самообращенность считается одним из существенных черт образа мысли Нового времени: например, такие понятия, как «рефлексивность» («reflexivity») А. Гиддэнса (Giddens, 1990) и «наблюдение второго порядка» («the second-order observation») Н. Лумана (Luhman, 1998) относятся к моменту самообращенности как основному принципу модерна. Именно в этом контексте слова Горация и Гоголя обращают на себя всё больше внимания, представляя собой художественную формулировку самообращенности смеха.

Таким образом, «сходство» горадиевой и гоголевской фраз можно рассматривать с типологической точки зрения или с точки зрения мировой литературы: развитие одной мысли и ее художественное выражение, а также переакцентирование на нее в новом контексте мировой истории.

*«De te fabula» и «Над собою смеетесь» в Восточной Азии:
модернизация и смех*

Интересно было бы проследить распространение и варьирование слов Горация и Гоголя в мировой литературе Нового времени.

Как известно, в тех странах, которые начали модернизацию европейского типа сравнительно поздно (конкретнее говоря, не ранее, чем во второй половине XIX века), быстро и мощно шел процесс введения и ассимиляции ее идей, науки, технологии, государственных устройств, экономических систем, общественных обычаев и т. п. При этом надо учитывать, что такой процесс повсюду идет нелегко: наблюдаются такие универсальные явления, как разделение и конфронтация «прогрессивных» и «консервативных» лагерей, «новых» систем и «старых» укладов жизни, амбивалентное отношение к идеям Нового времени, влечение и комплекс неполноценности к «центру» модерна, чем являлась фактически Западная Европа, в частности Франция.

Что касается художественной литературы, самым важным жанром для изображения вышеуказанных общественных движений является роман, в котором можно передать многие детали и «языки» быстро меняющегося общества. Во всех странах, переживающих процесс модернизации, роман занимает доминантное место в художественной литературе, отличаясь большим общественным влиянием. Роман развивается в «отставших» странах, используя новые материалы, сюжеты, темы, способы выражения, которые не всегда отличались большим влиянием в литературе «ранних» стран, как Англия и Франция. Можно сказать, что развитие романа Нового времени зависит именно от данного процесса распространения и варьирования в странах, позднее участвовавших в «гонке модернизации» (России, Японии, Китае и многих других).

Как говорилось выше, если самообращенность является важным элементом мышления Нового времени, то связанные с ней художественные образы должны были привлечь внимание интеллектуалов из тех стран, которые занимались вопросами модернизации общества и народа.

Нам хочется показать пример из романа японского писателя Сосэки Нацумэ (1867–1916), который считается одним из основоположников японской литературы Нового времени. Сосэки, специализировавшийся в английской литературе, оставил элитарную карьеру преподавателя Токийского университета и стал профессиональным писателем. Он писал романы и повести, в которых часто тематизированы проблемы модернизации японского общества и японцев.

Его роман «Сансиро» был его первым «серийным» романом, печатавшимся в газете «Асахи» в

1908–1909 годах. Герой по имени Санширо – студент, приехавший из провинции южной части страны (Кумамото) в Токио поступать в университет, единственный в Японии данного периода. В новой столице он встречается с новым миром, новые мысли, новых людей, включая, конечно, девушек нового мышления, которых он никогда не видел в Кумамото. Как известно, юноша, приезжающий из провинции в столицу, – один из самых распространенных «форматов» романа.

Особого внимания заслуживает то, что в этом романе появляются рассмотренные нами слова Горация, к тому же в комическом эпизоде: студенты (конечно, все мужчины) собираются на ужин, чтобы подружиться и дискутировать о будущем страны и своей роли в нем:

«Loud voices suddenly echoed from the far side of the room. Sanshiro looked over to see Yojiro holding forth to his immediate neighbors. Every now and then he would say something like “*De te fabula*.” Sanshiro had no idea what this meant, but each time Yojiro said it his listeners would burst out laughing. He grew increasingly ebullient: “*De te fabula*, we young men of the new age...” The student sitting diagonally opposite Sanshiro, a light-complexioned, genteel-looking fellow, rested his knife a moment to look at Yojiro’s group. Then he smiled and said, chuckling at his own French, “*Il a le diable au corps*”» (Natsume, 2009, p. 114).

«Again the room was filled with cheers. Then everyone was laughing, and the man next to Yojiro shouted, “A toast to *de te fabula*!” The student who had spoken earlier immediately seconded the idea. But there was no beer left. Yojiro ran out to the kitchen. (...) When the dinner ended and the young men all dispersed into the darkness, Sanshiro asked Yojiro, “What is *de te fabula*?” “It’s Greek,” he said without elaborating, and Sanshiro let it go at that. The two walked home beneath the beautiful sky» (Natsume, 2009, p. 117).

Разъяснение Ёдзиро, легкомысленного друга героя, «это греческий» – разумеется, игра слов, основанная на английской фразе «It’s Greek to me», хотя неясно, он шутит или говорит это серьезно, в чем заключается юмор. Во всяком случае интересно, что писатель, очевидно, ожидал, что эта игра слов понятна японским читателям данного времени, по крайней мере, некоторым из них.

Эта сцена представляет веселую жизнь представителей элиты Японии конца эры Мейдзи (кстати, японцы уверовали в себя в связи с успешным результатом Русско-японской войны), которые пользовались иностранными словами и фразами охотно, но поверхностно. Возглас Ёдзиро «*De te fabula*» и веселая реакция студентов символизирует данную атмосферу. Остается неясным, понимают ли они вообще значение слов Горация. Скорее всего, Ёдзиро только повторяет как-то услышанную им латинскую фразу, чтобы показать его образование европейского типа. Смешно, как он цитирует только часть данного предложения, почему-то пропуская глагол «narratur». К тому же у него неправильное произношение: «*Da ta fabura*», что подчеркивает комичность его речи.

Повторим, что речь Ёдзиро со словами Горация и веселость студентов поверхностны и наивны. Сосэки с легкой иронией изображает их неполноценное знание европейского образования и сложность модернизации японского общества. Для писателя был весьма существенным вопрос: сколько времени и сил понадобится для того, чтобы Япония достигла настоящей модернизации, не подражательной, а самобытной, проникнутой самосознанием и самопознанием.

В этом отношении можно сказать, что изображенная молодежь наивна именно тем, что ее смеху недостает «самообращенности»; молодая элита смеется над кем-то другим, а не над самой собой. Но Сосэки верил, что когда-нибудь они столкнутся с вопросами модернизации Японии по-настоящему. Он занимался данной темой в поздних романах со всё большей серьезностью и пессимизмом, поэтому они отличаются более тяжелым тоном, чем «Санширо».

В конце статьи нам хочется коснуться и творчества китайского писателя Лу Синя (1881–1936) – одного из основоположников современной китайской литературы.

Хорошо известно, что самым любимым его писателем был Гоголь. Чжоу Цзожэнь (1885–1967), младший брат Лу Синя и сам писатель, пишет в воспоминаниях о нем, что самыми важными из гоголевских произведений для него были «Записки сумасшедшего», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Ревизор» (Takeuchi, 1961, p. 75).

Лу Синь сам пишет о словах Городничего нечто примечательное: в китайском переводе «Ревизора» они были сокращены (Lu Xun, 1978, p. 58). По этому поводу Лу Синь объясняет авторскую концепцию своей известной повести «Подлинная история А-кью» (1921–1922): «Мой метод состоит в следующем: заставлять читателей недоумевать, о ком идет речь, кроме самого себя, и впасть в такое положение, в каком они не могут чувствовать себя посторонними, сваливая ответственность на других, и не могут не почувствовать, что речь идет о них самих или о человеке вообще, чтобы они ступили на путь самокритики. Но, насколько я знаю, ни один критик не обращал на это внимания» (Lu Xun, 1978, p. 58–59).

Нам представляется, что под «путем самокритики» Лу Синь имеет в виду самообращенность сознания читателей как необходимый момент модернизации китайского общества. В этом отношении можно сказать, что гоголевские слова «Чему смеетесь? над собою смеетесь!..» дошли до Восточной Азии как открытие формулы «смех – самопознание – истина».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабичев Н., Боровский Я. Словарь латинских крылатых слов : 2500 единиц. Москва : ТЕРРА, 1997. 959 с.
 Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя : в 7 т. Т. 1 : С родословной летописью (1405–1808). Москва : ИМЛИ РАН, 2017. 736 с.
 Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. Т. 4. Москва : Наука, 2003. 911 с.
 Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. Т. 1–17. Москва ; Киев : Издательство Московской Патриархии, 2009.
 Гораций Квинт Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания : пер. с латин. Москва : Худож. лит., 1970. 479 с. (Библио-

- тека античной литературы. Рим).
- Любжин А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 224 с.
- Манн Ю. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. Москва : Аспект Пресс, 2004. 813 с.
- Меерсон О. «Свободная вещь»: Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Oakland : Berkely Slavic Specialties, 1997.
- Михельсон М. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. Т. 2. Москва : Терра, 1997. 1161 с.
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge : Polity Press, 1990.
- Horace. *Satires. Epistles. Art of Poetry*. Loeb Classical Library. Tr. by Fairclough H. Cambridge ; London : Harvard University Press, 1929.
- Luhman N. *Observations on Modernity*. Tr. by Whobrey W. Stanford : Stanford University Press, 1998.
- Lu Xun *Rojin bunshu [Works of Lu Xun]*. V. 6. Tr. by Takeuchi Y. Tokyo : Chikuma-shobo, 1978.
- Natsume S. *Sanshiro*. Tr. by Rubin J. London ; N. Y. : Penguin Books, 2009.
- Takeuchi Y. *Rojin [Lu Xun]*. Tokyo : Mirai-sha, 1961.

REFERENCES

- Babichev, N., & Borovskii, Ia. (1997). *Slovar latinskikh krylatykh slov [Dictionary of Latin words of wisdom]*. Moskva: TERRA [in Russian].
- Giddens, A. (1990). *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Gogol, N. V. (2003). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete collection of works and letters]* (Vol. 4). Moskva: Nauka [in Russian].
- Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete collection of works and letters]* (Vol. 1–17). Moskva; Kiev: Izdatelstvo Moskovskoi Patriarkhii [in Russian].
- Gorattii, Kvint Flakk. (1970). *Ody. Epody. Satiry. Poslaniia [Odes. Epods. Satire. Messages]* : per. s latin. Moskva: Khudozh. lit. [in Russian].
- Horace. (1929). *Satires. Epistles. Art of Poetry*. Loeb Classical Library. Tr. by Fairclough H. Cambridge; London: Harvard University Press.
- Liubzhin, A. (2007). *Rimskaiia literatura v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Roman literature in Russia in the XVIII - early XX century]*. Moskva: Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina [in Russian].
- Lu, Xun. (1978). *Rojin bunshu [Works of Lu Xun]*. V. 6. Tr. by Takeuchi Y. Tokyo: Chikuma-shobo.
- Luhman, N. (1998). *Observations on Modernity*. Tr. by Whobrey W. Stanford: Stanford University Press.
- Mann, Iu. (2004). *Gogol. Trudy i dni: 1809–1845 [Gogol. Works and days: 1809–1845]*. Moskva: Aspekt Press [in Russian].
- Meerson, O. (1997). «*Svobodnaia veshch*»: *Poetika neostraneniia u Andreia Platonova [“Free thing”: Poetics of non-exclusion in Andrei Platonov’s works]*. Oakland: Berkely Slavic Specialties [in Russian].
- Mikhelson, M. (1997). *Russkaia mysl i rech: Svoe i chuzhoe: Opyt russkoi frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanii [Russian thought and speech: Ours and theirs: The experience of Russian phraseology: Collection of figurative words and parables]* (Vol. 2). Moskva: Terra [in Russian].
- Natsume, S. (2009). *Sanshiro*. Tr. by Rubin J. London; N. Y.: Penguin Books.
- Takeuchi, Y. (1961). *Rojin [Lu Xun]*. Tokyo: Mirai-sha.
- Vinogradov, I. A. (2017). *Letopis zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia [Chronicle of N. V. Gogol’s life and work]* (Vol. 1 : S rodoslovnoi letopisiu (1405–1808)). Moskva: IMLI RAN [in Russian].

SUSUMU NONAKA

ONCE AGAIN: “WHAT ARE YOU LAUGHING AT? YOU ARE LAUGHING AT YOURSELF!” – IN THE CONTEXT OF WORLD LITERATURE

The article examines a very famous phrase from N. Gogol “What are you laughing at? You are laughing at yourself!” («The Inspector General», 5th Act) in comparison with as famous as the phrase by Horace “Quid rides? Mutato nomine, de te fabula narrator (Why do you laugh? Change only the name and this story is about you)” («Satires», I. 1). Although it is impossible to prove Gogol’s allusion to Horace, we should pay attention to the similarity of their phrases, which is worth a “typological” comparison. It is the idea of reflexivity of laugh that makes these phrases similar in their message. As is well known, notions such as “reflexivity” (A. Giddens) or “the second-order observation” (N. Luhman) are regarded as essential features of modernity. Horace’s and Gogol’s phrases present a version of reflexivity in that those who laugh at someone or something else, understand their laugh returns to themselves. Thus, being comical or ironical plays an important role in helping us see ourselves in the way we reflect what and how we are doing.

In the second half of the essay we pay attention to the spreading and perception of Horace’s and Gogol’s phrases. The Japanese writer Soseki Natsume (1867–1916) wrote a novel called *Sanshiro* which depicts an episode where university students gather to have a party. At this party, one student makes fun repeating Horace’s phrase «De te fabula» without, as it seems, fully understanding its meaning. The episode shows the young Japanese elite who regard themselves as leaders of the modernization of Japan actually failing to understand European culture and the meaning of modernization. Soseki believed that they would encounter the problem of modernization more deeply than he ironically depicted in his novel.

The modern Chinese writer Lu Xun (1881–1936) gives an interesting example of Gogol’s influence. He explains his methodology of literature in that he tries to make his readers see themselves as the protagonists in situations depicted humorously in his works. In this context he refers to Gogol’s phrase “You are laughing at yourself”.

These two examples of the perception of Horace’s and Gogol’s phrases in East Asia show how they spread among those countries which found themselves «late starters» of modernization. One of their tasks is to develop their own modernization and modernity, not to imitate those of the forerunners, i.e. Western Europe. For that purpose it is important to understand and develop the idea of reflexivity which they thought belongs to the main ideas of modernization.

Key words: Gogol; «The Inspector General»; Horace; «Satires»; Modernity; Soseki Natsume; Lu Xun.

Одержано 29.05.2019 р.